

Сьюзен Уайс Бауэр

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО МИРА

От времен Константина
до первых Крестовых походов

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(4)“04/14”
ББК 63.3(0)4
Б29

Серия «История в одном томе»

Susan Wise Bauer

THE HISTORY OF THE MEDIEVAL WORLD
From the Conversion of Constantine to the First Crusade

Перевод с английского *В. Гончарова*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства W.W. Norton & Company,
Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Бауэр, Сьюзен Уайс.

Б29 История Средневекового мира : От Константина до первых Крестовых походов / Сьюзен Уайс Бауэр ; [пер. с англ. В. Гончарова]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 992 с.— (История в одном томе).

ISBN 978-5-17-090562-1

История Средневекового мира с IV века до начала века XII — от подъема Византийской империи до первых Крестовых походов. От рождения Мухаммеда до раздела империи Каролингов.

Не просто сухие факты, но и подробный и яркий рассказ о внешней и внутренней политике государств Средневековья, о религии и ее роли в повседневной жизни и системе управления.

Результатом стала потрясающая мозаика событий, свидетельств и документов, в которой в равной степени важен каждый элемент.

УДК 94(4)“04/14”
ББК 63.3(0)4

© Susan Wise Bauer, 2010

© Перевод. В. Гончаров, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-090562-1

Посвящается Бену

БЛАГОДАРНОСТИ

Моему редактору в издательстве «Нортон», Старлинг Лоуренс, которая первой предложила мне этот проект и поддерживала его профессиональными советами, подбадривала меня, а однажды убедила спуститься с лестницы и вернуться к рукописи. Также я не устаю благодарить Стар и Дженни за то, что каждый раз, когда я бываю в Нью-Йорке, они предоставляют мне место, где можно работать и думать.

Спасибо чудесному коллективу издательства «Нортон» за их профессионализм, преданность работе и — в первую очередь — за доброжелательность. Благодарю всех, кто был так добр и подбадривал меня, работая со мной над разными проектами; отдельная благодарность — Молли Мэй, Нидью Пэррис, Голде Рэйдемахер, Дозье Хэммонд, Эуджении Пакалик, Биллу Русину и Дженн Чан.

Я в неоплатном долгу перед библиотекарями и архивариусами моей родной библиотеки, библиотеки Свема при колледже Вильгельма и Марии. Спасибо также терпеливым сотрудникам библиотеки Олдермена при Вирджинском университете, читального зала Восточной Азии при Колумбийском университете и Лондонской библиотеки.

Также хочу выразить благодарность моему агенту, Ричарду Хэншоу, которому удавалось справляться со всё более сложными задачами.

Здесь, в Вирджинии, Сара Парк создавала удивительно сложные карты, на которых видна вся многоликость средневековых государств. Я благодарю её за терпеливое отношение к моим изменчивым нуждам. Внимательный к деталям Джастин Мур смог отловить удивительное количество ошибок, прежде чем они дошли до читателей; его умение проверять факты на достоверность до сих пор меня восхищает. (Все оставшиеся в книге ошибки — на моей совести).

Ким Нортон, Джеки Вайлет и Молли Бауэр вели мои дела в Пис-Хилл, принимали звонки и электронные письма и экспромтом отвечали на вопросы, давая мне возможность спокойно уехать и поработать. Сюзанна Хикс упорядочивала график моих поездок, и они протекали без запинки.

Чжэ Цюань, Кевин Стилли и Том Джексон читали ранние версии рукописи и делились со мной своими ценными мнениями. Джонатан Гандерлах проверил все узкие места, одновременно взяв на себя трудоемкий процесс получения разрешений на публикацию.

Мой корейский издатель, «Теори энд Праксис», принял в Корею меня с двумя старшими сыновьями, позволив мне заняться исследованием их корейской истории на месте. Искренне благодарю их за щедрое гостеприимство, как и Ён Лан Хан из Корейского Литературного агентства за ее неоценимую помощь и дружбу.

Борис Фишман присоединился к команде почти в конце проекта, когда мои нервы были на пределе — и совершил чудеса, распутывая остававшуюся неразбериху с разрешениями.

Мои родные и близкие не только пережили создание еще одной книги по мировой истории, но также сделали всё возможное, чтобы и я дожила до ее завершения. Спасибо Мэл Мур, Диане Уилер и Сьюзен Канингем за то, что я осталась (относительно) вменяемой. Боб и Хэзер Уайс взяли на себя бремя других моих публикаций, когда средневековые поглотило мою жизнь. Без моих родителей, Джея и Джесси Уайс, мой дом давно превратился бы в руины. Вырастая, мои дети — Кристофер, Бен, Дэн и Эмили стали моими соавторами, помогая маме делать работу. Я нечасто говорю им «спасибо», но сейчас я им благодарна.

Но более всего я признательна своему мужу Питеру, который поддерживает меня, давая мне возможность делать любимую работу и одновременно жить реальной жизнью.

*Sumus exules, vivendi quam auditores.
(Мы изгнанники, но живем и дерзаем.)*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЕДИНСТВО

ГЛАВА ПЕРВАЯ ЕДИНАЯ ИМПЕРИЯ, ЕДИНЫЙ БОГ

Между 312 и 330 годами император Константин I Великий властвует в Римской империи и прилагает усилия, чтобы упрочить фундамент христианской церкви.

Утром 29 октября 312 года римский военачальник Константин вошел во врата Рима во главе своей армии.

Ему было сорок лет, шесть из которых он боролся за корону императора. Менее суток назад он наконец победил правящего Римом 29-летнего Максенция в битве у Мильвийского моста*. Воины Константина пробили себе путь к Риму через мост, а побежденные сломали строй и бежали. Максенций утонул, утянутый на илистое дно реки весом собственного доспеха. Христианский историк Лактанций писал, что солдаты Константина вошли в Рим с символом Христа на каждом щите; римский** же писатель Зосима добавляет, что распухшую от воды голову Максенция несли

* Каменный арочный мост через реку Тибр в 3 км к северу от Рима на Фламиниевой дороге, проложенной в I веке до н. э. и соединявшей Рим с Арминумом (современный Римини) на Адриатическом море. Из-за разночтений в римском написании иногда именуется Мульвийским или даже Мульвиевым мостом, ныне известен как Ponte Milvio. (*Прим. ред.*)

** В исторических документах позднего периода Римской империи граждан Рима обычно разделяют на христиан и язычников, под «язычниками» подразумевая «нехристиан». У этого подхода два недостатка: во-первых, такое простое деление не учитывало богатый национальный состав тогдашнего общества; во-вторых, ярлык «язычник» в последние годы оброс совершенно другими ассоциациями. Я решила избегать этого понятия. Зосима, которого часто называют «языческим историком», исповедовал старую римскую религию, поэтому я и назвала его «римлянином». (*Прим. авт.*)

надетой на копье. Константин выудил тело бывшего императора и обезглавил его.¹

Константин вошел в императорский дворец, чтобы инвентаризировать свою новую империю. Первым делом он взялся за бывших пособников Максенция, сразу же отдав приказ о немедленных казнях — впрочем, в разумных масштабах: жертвами нового режима² стали лишь «ближайшие друзья» Максенция. Константин уничтожил преторианскую гвардию — личную гвардию римских цезарей, поддерживавшую Максенция на троне. Кроме того, он упаковал голову Максенция и отправил ее на юг, в Северную Африку, в качестве послания тамошним сторонникам молодого правителя, показывая, что пришло время поменять союзников. Затем он взялся за соправителей бывшего императора.

Победа над Максенцием принесла ему корону — но не всю империю. Тридцатью годами ранее его предшественник Диоклетиан ввел должность соправителя для совместного управления обширными римскими владениями, и эта породило сложный порядок преемственности власти. Двое соправителей и поныне вели дела империи. Лициний происходил из семьи крестьян и сделал карьеру в армии; теперь он боролся за титул императора в центральной части империи, на восток от Паннонии и на запад от Черного моря. Максимин Даза, также крестьянин по рождению, правил на востоке, постоянно находясь под угрозой со стороны агрессивной Персидской империи***.

Будучи идеалистом, Диоклетиан разработал систему, ограничивавшую возможность сосредоточения всей власти в одних руках. Но он не учел, сколь велика может быть жажда власти. Константин не желал делить свои полномочия с кем-либо, но был слишком умён, чтобы развязать сразу две войны. Он договорился с более могущественным Лицинием, чьи земли находились ближе, чем территории Максимиана, и сделал его своим союзником. В свою очередь, почти шестидесятилетний Лициний должен был жениться на сводной сестре Константина, восемнадцатилетней Констанции.

*** Его владения включали в себя Паннонию, Дакию, Фракию и Македонию. (Прим. авт.)

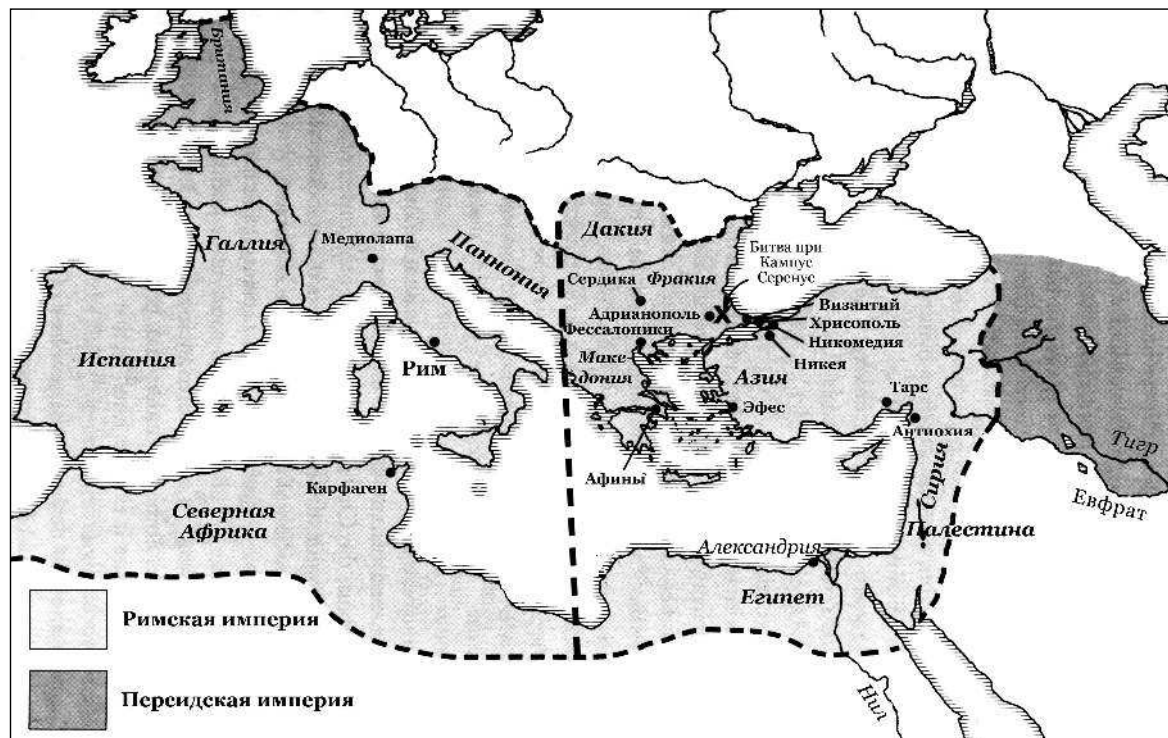
Лициний с радостью откликнулся на предложение. В качестве первого шага навстречу будущему шурина он сошелся в бою с Максиминем Дазой 13 апреля 313 года, через полгода после вступления Константина в Рим. В войске Лициния было менее 30 тысяч солдат, а Даза собрал 70-тысячную армию. Но, как и воины Константина, люди Лициния шли под знаменами христианского Бога. Эта идея вдохновляла солдат; поскольку Максимин Даза поклялся именем Юпитера вымести христианство из своих владений; присутствие христианских символов превратило борьбу за власть в священную войну.

Войска встретились в местности под скромным названием Кампус Серенус («Чистое поле»), за чертой города Адрианополя, и меньшая по численности армия Лициния победила армию Максимиана. Даза бежал переодетым, но Лициний последовал за ним в его азиатские владения и наконец нагнал в городе Тарсе. Не видя возможности спастись, Максимин Даза принял яд. К несчастью, перед этим он съел обильный последний ужин, и это растянуло действие яда. Историк Лактанций пишет, что император умирал четыре дня:

«Действие яда было отторгнуто вследствие переполненности желудка, и он не мог подействовать сразу, но вверх его в длительный недуг, сходный с чумой, так что прежде чем испустить дух, он испытал разнообразные и жестокие страдания... От мучений столь тяжких он бился головой о стены, и глаза его вылезли из орбит. Только тогда, утратив зрение, он начал видеть Бога, осуждающего его, в сопровождении свиты, одетой в белое.... Затем, вопя так, как будто его жгли, он испустил свой нечестивый дух, приняв ужасную смерть».³

Но это была не последняя ужасная смерть. Лициний убил двух младших детей Максимиана Дазы (обоим не было и девяти лет) и утопил их мать, а также приказал казнить трех других возможных кровных наследников восточного трона. Все они были детьми умерших императоров.

Константин счел благоразумным проигнорировать эту резню. Оба правителя встретились в Медиолануме (нынешний Милан),

Римская и Персидская империи

чтобы отпраздновать свадьбу Лициния и Констанции и узаконить христианство во всей империи. Это было необходимо, поскольку оба императора доказывали своё право на власть, прикрываясь именем Божиим.

На деле во всех частях империи, кроме востока, христианство было разрешено уже несколько лет. Однако официальный документ — Миланский эдикт — распространил покровительство христианству и на бывшие земли Максимиана Дазы.

«Никому нельзя отказывать в возможности по велению сердца следовать соблюдаемой христианами вере, и отныне каждый из желающих соблюдать религию христиан может делать это свободно и беспрепятственно, без всякого для себя стеснения и затруднения... Другим также предоставлена, ради спокойствия нашего времени, подобная же полная свобода в соблюдении своей религии, так что каждый имеет право свободно избрать и почитать то, что ему угодно; это нами постановлено с тою целью, чтобы не казалось, что нами нанесен какой-либо ущерб какому бы то ни было культу или религии».

Имущество, ранее отнятое у христиан, следовало возвратить. Все христианские храмы отдавались во владения христианской церкви. «Да будет повеление наше выполнено, — говорилось в заключении эдикта, — дабы, как выше замечено, Божественное к нам благоволение, в столь великой мере уже испытанное нами, и впредь содействовало нашим успехам и благополучию державы».⁴

По заявлению Лактанция, Константин был слугой Божиим, а его враги были низвергнуты самим Божиим судом. Евсевий, христианский священник, написавший биографию Константина, разделял эту точку зрения: Константина он считал «возлюбленным чадом Божиим», несшим знание о Сыне Его народу Рима.⁵

Евсевий был другом Константина, а Лактанций преподавал риторiku и чуть не умер от голода, пока Константин не нанял его придворным учителем и не изменил его судьбу. Но творения этих историков продиктованы не только желанием выслужиться перед императором. Оба понимали, возможно, даже раньше, чем к этому пониманию пришел Константин, что христианство — наилучшая для империи возможность выжить.

Константин смог возвыситься при наличии нескольких императоров; он уже избавился от двух соперников из трёх, а дни Лициния были сочтены. Но над империей нависла более серьезная угроза. Столетиями она была государством, провинции, округа и города которого придерживались собственных традиций, сохраняя свою идентичность. Тарс был римским — но также и азиатским городом, где греческий звучал на улицах чаще латыни. Северная Африка была римской — но Карфаген являлся в первую очередь африканским городом, населенным африканцами*. Галлия принадлежала Риму — но германские племена, занявшие эти земли, говорили на своих языках и почитали своих богов. Римская империя позволяла людям это двойное гражданство — римское и *другое*, — но центробежная сила *другого* была столь сильна, что границы империи едва сдерживали его напор.

Константин украсил свои флаги крестом не затем, чтобы завоевать верность христиан. Как заметил русский историк А.А. Васильев, было бы смешно строить политическую стратегию на «одной десятой населения, в то время не принимавшей участия в политических делах».⁶ Константин не менял вероисповедания. Он продолжал чеканить на своих монетах изображения «Непобедимого солнца» — солярного божества; он до самой смерти оставался *великим понтификом*, верховным жрецом государственного культа Рима; он противился крещению вплоть до 336 года, когда понял, что умирает.⁷

Но в христианстве Константин видел новый удивительный способ познания мира, а в христианах — то, какими должны стать римляне, объединенные верностью чему-то большему, чем их народные обычаи, но не противоречащему им. Практически невозможно быть одновременно римлянином и вестготом, или же всем сердцем быть и римлянином, и африканцем. Христианином же можно быть, сохраняя своё национальное самосознание. Христианин мог быть и греком, и латинянином, и рабом, и свободным человеком, и евреем, и гоем. Христианство началось как религия без

* Автор, видимо, имеет в виду, что Карфаген находился на африканском континенте. Называть «африканцами» его население, в основном состоящее из племен семитского происхождения, не слишком корректно. (*Прим. ред.*)

политической родины — а это означало, что его с легкостью могли принять в империи, которая периодически поглощала чужие родины. Внедрив христианство в Римскую империю, Константин мог объединить раздробленное государство именем Христа, которое могло помочь ему одержать победу там, где терпели поражения такие фигуры, как Цезарь и Август.

Намереваясь получить желаемое, Константин полагался не только на имя Христа. В 324 году Лициний предоставил ему чудесный повод для устранения соперника: восточный властитель обвинил христиан своего двора в шпионаже на западного коллегу (а так оно, без сомнения, и было) и прогнал их вон. Константин немедленно объявил, что Лициний преследует христиан — а это, согласно Миланскому эдикту, было противозаконно, — и двинул армию на восток.

Императоры встретились дважды: в первый раз в Адрианополе, где сам Лициний когда-то одержал победу над бывшим восточным императором Максимином Дазой, и — в последний раз — двумя месяцами спустя, 18 сентября, под Хрисополем. В этой финальной битве Лициний был полностью разгромлен и согласился сдаться.⁸ Константин пощадил его жизнь, поскольку за мужа вступилась Констанция; вместо казни Лициния выслали в Фессалоники.

Так Константин стал единоличным правителем Римской империи.

Первое, что он сделал в роли единого императора — постарался обеспечить единство христианской веры. Христианство послужило бы дурным подспорьем власти, если бы раскололось на враждующие фракции — а такая опасность существовала. Уже несколько лет подряд среди руководителей христианской церкви в разных частях империи споры о природе вочеловечивания Иисуса Христа велись во всё более резком тоне, и этот спор достиг своей пиковой точки*.

С начала своего появления христианская церковь утверждала, что Иисус соединяет в себе и людскую, и божественную природы: фраза «Иисус есть Бог», как пишет Дж. Н. Д. Келли, была самым

* Вочеловечивание Иисуса Христа — основной символ веры христианства: Бог спустился на землю в образе Иисуса Христа. (Прим. авт.)

ранним и основным символом веры в христианстве. Христос, если верить раннехристианским теологам, был «неделимым целым», «совершенным Богом и совершенным человеком». ⁹ Это всё равно что наполнить бокал до краев одновременно двумя разными жидкостями. Христиане боролись с этим парадоксом с самого начала существования христианства. Игнатий Антиохийский, погибший на римской арене около 110 н.э., создал кафолическую доктрину христианства, сведя воедино несовместимые противоположности: *«...есть только один целитель, телесный и духовный, рожденный и не рожденный, Бог во плоти, в смерти истинная жизнь, от Марии и от Бога, бестелесный в теле, бесстрастный в страстном теле, бессмертный в смертном теле, живой во тлении»*. ¹⁰

Но другие голоса предлагали другие варианты. Уже во II веке эбиониты предположили, что Христос, в сущности, был человеком, а его «божественность» заключалась лишь в том, что он был избран стать еврейским Мессией. Друга ересь, известная как докетизм, переняла греческую идею о неотъемлемой нечистоте материи ¹¹ и настаивала на том, что Христос не мог по-настоящему воплотиться в брэнном теле — он был духом, лишь кажущимся человеком. Гностики превзошли докетов: они верили, что бог-Христос и человек-Иисус заключили кратковременный союз, чтобы спасти человечество от нечестивой хватки материального мира ^{**}. А пока Константин и Лициний сражались за корону, христианский священник по имени Арий начал проповедовать еще одну доктрину: поскольку бог един, *«до и после Бога нет и не было других богов, Бог всемогущ, Бог знает все, Бог всеблаг, Бог суверенен»*, то Сын Божий должен быть творением его. Возможно, он отличался от других творений — но не мог быть носителем божественной сути. ¹²

Арий, служивший в египетском городе Александрии, собирал вокруг себя последователей, крайне досаждая местному еписко-

^{**} К «гностическим» относится невообразимое количество религиозных объединений и течений; обычно гностической называют религию, декларирующую стремление к наивысшему знанию (gnosis — *знание*), доступном лишь немногим избранным. (Прим. авт.)

пу*, который в итоге отлучил Ария от церкви. Это создало потенциально серьезный раскол, который мог разделить большое количество христиан от основной массы верующих. Константин, узнав о расколе, послал в Египет письмо, в котором настоятельно советовал двум спорщикам успокоиться и разобраться со своими разногласиями. Он написал: «Верните мне мои тихие дни, мои беззаботные ночи, и пусть жизнь отныне будет радовать меня покоем».¹³

Но ни епископ, ни Арий не собирались уступать, и Константин в отчаянии созвал совет руководителей церкви, чтобы обсудить этот вопрос. Сначала он хотел провести этот совет в городе Никомедии, но, когда епископы были уже в пути, в городе случилось сильное землетрясение. Многие дома были разрушены, сотни людей погибли на месте, огонь от очагов и жаровен перекинулся на сухие деревянные конструкции домов и распространялся так быстро, что вскоре город стал, по словам Созомена, «сплошной массой огня».¹⁴

Столь внезапное и разрушительное событие натолкнуло многих на мысль о том, что Бог недоволен грядущим советом, и епископы приостановили свое странствие, отправив императору: запрос: отменит ли он совет? Следует ли им продолжить путь?

Убежденный богословом Василием в том, что землетрясение было не карой Божьей, но попыткой дьявола помешать съезду священнослужителей и решению вопросов церкви, Константин ответил, что епископам следует направиться в Никею, куда они и прибыли поздней весной 325 года, готовые к переговорам.

Решение теологических вопросов на соборе не было для христианства чем-то новым. Еще со времен апостолов местные христианские общины считались лишь частями целого, а не отдельными объединениями. Но никогда прежде император, даже столь толерантно настроенный, не созывал представителей церкви, пользуясь собственными полномочиями.¹⁵ В 325 году в Никее христианская церковь и правительство Запада объединили усилия.

* С первых дней христианства у каждой общины был свой глава, «надзирающий» (episkopos) или епископ, несший полную ответственность за всю паству. В IV веке в каждом городе, где исповедовалось христианство, был свой епископ, представлявший интересы всех христиан данной географической области. (Прим. авт.)

Можно удивляться, почему Константин, спокойно совмещавший веру в Аполлона и открытую декларацию христианства, столь беспокоился о точном определении божественности Христа. Скорее всего, его интерес в этом деле был не религиозным, а сугубо практическим: он не желал допустить раздробленности церкви. Раскол мог стать угрозой христианской модели общества, в которой Константин видел возможность удержания вместе разных групп людей под знаменем верности чему-то всеобъемлющему. Если это всеобъемлющее начало даст трещину, модель станет бесполезна для империи**.

Возможно, этим и объясняется его решение выступить против арианства. Изучив настроения наиболее влиятельных церковников, император понял, что самые уважаемые епископы не согласны с верованиями Ария. Арианство создавало пантеон божеств с Богом-Отцом во главе и Богом-Сыном в роли демиурга, стоящего в небесной иерархии на ступеньку ниже. Таким образом, анафема была объявлена и иудейским корням христианства, и греческому платонизму, процветавшим почти во всей восточной части империи.

Под руководством влиятельнейших епископов и самого императора священнослужители, подталкиваемые к анти-арианству, составили формулу вероисповедания, почитаемую в христианской церкви до сих пор — Никейский символ веры, утверждавший христианскую веру

«во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всех видимых и невидимых; И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия единородного, рожденного от Отца, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, Им же вся быша, яже на небеси и на земли».

Эта формула настаивала на божественной природе Христа, делая арианство неприемлемым для канона.

** В философии платонизма не было места ранжированию существ сугубо божественной природы, которые все принадлежали бы божественному царству (царству Идеала), но были бы при этом менее идеальны, чем другие им подобные. (Прим. авт.)